

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

КНИГИ СКОТТА ЛИНЧА

Хитрости Локка Ламоры

•

Красные моря под красными небесами

•

Республика воров

СКОТТ ЛИНЧ

РЕСПУБЛИКА
ВОРОВ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л 59

Scott Lynch
THE REPUBLIC OF THIEVES
Copyright © 2013 by Scott Lynch
All rights reserved
First published in 2013 by Gollancz, London

Перевод с английского Александры Питчер
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Сергея Шикина
Карта выполнена Юлией Каташинской

Линч С.

Л 59 Республика воров : роман / Скотт Линч ; пер. с англ. А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 672 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-08784-2

«Свежо, оригинально, крайне занимательно — и великолепно исполнено» (Джордж Мартин).

Приключения Локка Ламоры продолжаются. Чуть не погибнув под занавес того, что должно было стать величайшей аферой Благородных Каналий, Локк и Жан отправились на север, в лихорадочном поиске противоядия от той отравы, которой опоил их архонт Тал-Веррара. И когда подошли к концу как остатки денег, так и надежды на успех, помощь явилась с самой неожиданной стороны — от могущественных вольнонаемных магов Картена. Архидонна Терпение обещает излечить Локка — но при условии, что Благородные Канальи выступят в нехарактерной для них роли политтехнологов. Причем «играть» на картенских выборах им придется против Сабеты — бывшей их боевой подруге и главной любви всей жизни Локка, пропавшей на пять лет...

Впервые на русском — очередной роман культового цикла, одна из самых ожидаемых новинок для любителей жанра.

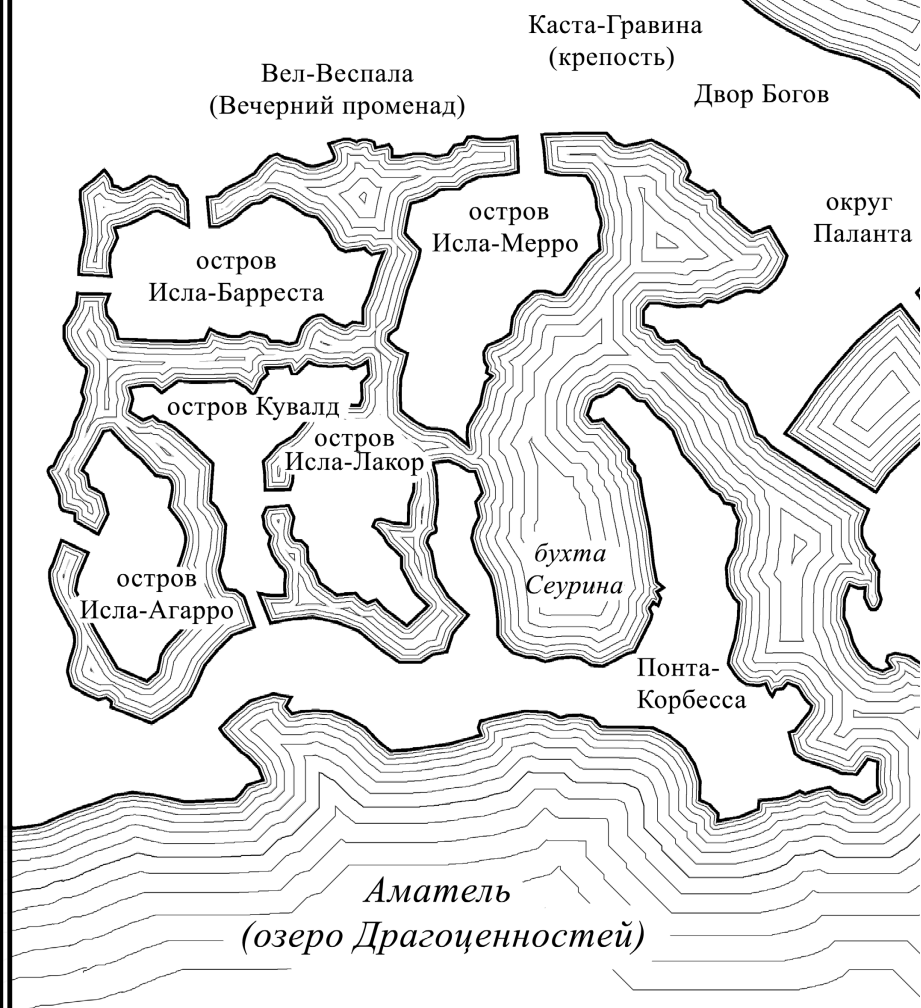
УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© А. Питчер, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08784-2

*Посвящается Джейсону Макрэю,
который в свое время сыграл великое
множество ролей*

КАРТЕН

Двор
Праха

Старая стена

Вел-Верда
(Зеленый променад)

остров
Исла-Схоластика

округ Филигрань

остров
Исла-Сальверро

округ
Плаза-Гандоло

остров
Исла-Воргала

Мара-Картени

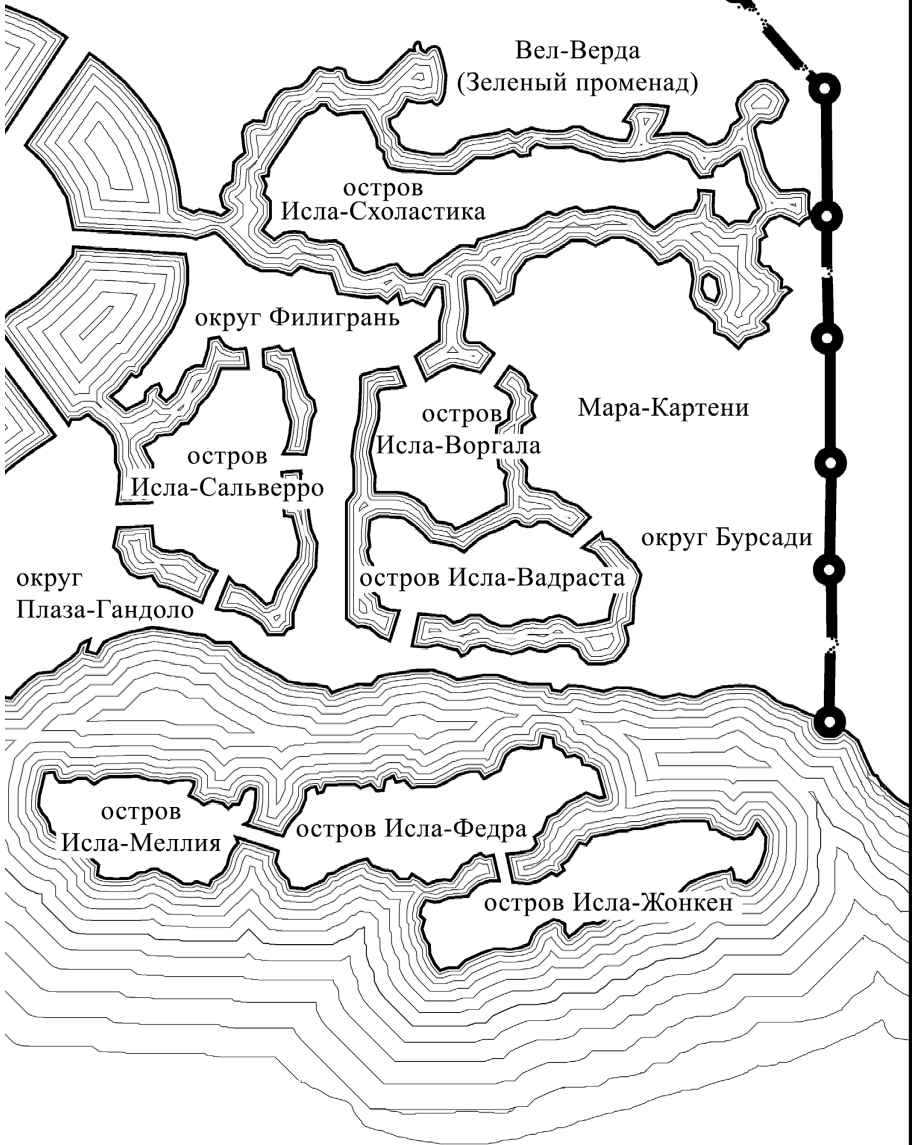
округ Бурсади

остров Исла-Вадраста

остров
Исла-Меллия

остров Исла-Федра

остров Исла-Жонкен

Пролог ПЕСТУН

1

Если в сыром подземном лабиринте заброшенного кладбища собрать под начало изувеченного старика пару сотен голодных воришек-сирот, то вскоре окажется, что управлять ими ох как не просто.

Воровскому наставнику, угрюмому владыке сиротского королевства под Сумеречным холмом Каморра, еще хватало сил держать своих чумазых подопечных в узде. Разумеется, старик опасался стихийного неповиновения стаи волчат, движимых естественными порывами, однако продолжал развивать в сиротах звериные инстинкты к выживанию. И все же власть его была непрочна, как размокшая бумага.

Впрочем, в присутствии Воровского наставника — под его цепким взором, замечавшим любой проступок, и в пределах слышимости его голоса — малолетние оборванцы являли собой образец послушания. А вот чтобы держать сирот в страхе даже тогда, когда Воровской наставник напивался вусмерть, спал или уходил в город по делам, следовало выработать у них стойкую привычку к покорности и подчинению.

Из ребятишек постарше и покрепче Воровской наставник сколотил нечто вроде почетного караула; горстке избранных время от времени дозволялись некоторые мизерные вольности и даже перепали жалкие крохи того, что сходило за уважение. Однако же старик прилагал все усилия, чтобы в каждом из его питомцев укоренился глубокий, почти священный ужас перед всемогущим и всеведущим покровителем. За неисполнение приказов полагались суровые наказания, малейшие промахи карались жестоко

и беспощадно, а те, кто осмеливался перечить, вообще исчезали бесследно. Их участь ни у кого сомнений не вызвала.

Должным образом уstraшенным избранныкам не оставалось ничего иного, как срывать злость и раздражение на сиротах помладше и послабее, тоже вселяя в них священный страх; а те, в свою очередь, отыгрывались на следующих неудачниках. Таким образом страдания и издевательства, будто нарастающее давление геологических пластов, постепенно докатывались до самых покорных и запуганных малышей.

В сущности, стройная целесообразность этой системы заслуживала всяческого восхищения — разумеется, не со стороны тех, кто оказывался на отшибе, то есть самых маленьких, слабых и одиноких. Для таких отверженных жизнь на Сумеречном холме была сродни беспрестанным пинкам тяжелых сапог.

Локку Ламоре было то ли пять, то ли шесть, то ли семь лет — точно никто не знал и знать не желал. Малорослый и щуплый мальчишка вел себя более чем странно, и друзей у него не водилось. Даже в смрадной толпе сирот он с необычайной остротой ощущал свое одиночество.

2

Общий сбор на Сумеречном холме — опасное время. В толпе взволнованных оборванцев Локк чувствовал себя как в дремучем лесу, где за каждым стволом притаилась угроза.

В подобных случаях первое правило выживания гласило: не привлекать внимания. Как обычно, по зову Воровского наставника сироты, глухо перешептываясь, потянулись к огромному склепу в сердце Сумеречного холма. Локк опасливо косился по сторонам; он украдкой высматривал главных задира и забияк, ни в коем случае не встречаясь с ними взглядом (за такую ошибку пришлось бы дорого заплатить), и незаметно отступал за спины других детей, стараясь держаться на безопасном расстоянии от драчунов.

Если первое правило выживания не срабатывало, как чаще всего и случалось, то, согласно второму правилу, приходилось мириться с неизбежным.

Толпа за спиной Локка расступилась. Он, будто дикий зверь, инстинктивно почувствовал приближение опасности и сжался

в ожидании удара. Незамедлительно последовал сильный, резкий толчок в спину, прямо между лопаток. Локка, едва удержавшегося на ногах, впечатало лицом в шершавую стену туннеля.

За спиной послышался знакомый хохот. Грегор Фосс, на два года старше и вдвое тяжелее Локка, был так же недосыгаем, как герцог Каморрский.

— Ламора, ну ты и задохлик! Че, ноги не держат?

Грегор, вжав голову Локка в отсыревшую земляную стену, волоком подтащил его к одной из опор, что поддерживали своды, и пребольно стукнул лбом о деревянный столб.

— Эй, слабак, ты даже таракана не распялишь! Он извернется и тебя в жопу отымеет, как миленького.

Дети поблизости засмеялись — по большей части из страха, дабы их не обвинили в том, что не разделяют общего веселья. Локк, с огромной шишкой на лбу, спотыкаясь и даже не отплеываясь от набившейся в рот грязи, покорился тяжелой руке, хотя внутри кипел от негодования. Грегор для порядка пихнул его еще разок, презрительно фыркнул и, расталкивая толпу, отправился дальше.

Смирись. Не сопротивляйся. Только так, ценой минутного унижения, можно было избежать долгих часов, а то и дней нескончаемых измывательств, ведь синяки и ссадины терпимее переломанных костей или увечий пострашнее.

В подземелье устремился огромный поток сирот — на грандиозном сборище присутствовали почти все обитатели Сумеречного холма. В склепе уже стоял тяжелый, спертый дух. Голова Воровского наставника, сидевшего в кресле с высокой спинкой, едва виднелась над скоплением детей. Его избранники, решительно раздвигая толпу, пробирались на свои обычные места рядом с грозным владыкой. Локк пристроился у дальней стены и вжался в нее спиной, притворившись смутной тенью. Теперь, не опасаясь нападения сзади и поддавшись минутной слабости, он обиженно скривил губы и осторожно ощупал шишку на лбу. Пальцы увлажнила кровь.

Немного погодя поток детей стал ручейком, а потом и вовсе пересох. Воровской наставник многозначительно кашлянул.

Был Покаянный день семьдесят седьмого года Сендовани — традиционный висельный день. Под ярким весенним небом стражники герцога Каморрского, в отличие от тех, кто собрался в темных подземельях Сумеречного холма, увлеченно готовили веревки.

3

— Весьма прискорбно, — изрек Воровской наставник. — Да, весьма прискорбно, что некоторые из наших с вами братьев и сестер угодили в безжалостные объятия герцогского правосудия. А еще печальнее то, что эти недотепы попались в расставленные силки по своему собственному неразумению. Увы и ах! Недаром я вас настоятельно предупреждал и предупреждаю, голубчики мои, что работа у нас деликатная, вот только обыватели относятся к ней предвзято, не ценят как подобает.

Локк осторожно утер грязь с лица. Замызганный рукав рубахи еще больше перемазал и без того чумазую мордашку, но привычное занятие успокаивало. Пока Локк потихоньку приводил себя в относительный порядок, властелин Сумеречного холма продолжал свою речь:

— Горестный сегодня день, дорогие мои. Воистину трагический, вот что я вам скажу. Однако ведь и скисшее молоко не пропадает попусту. Сами знаете, его на сыр пускают. Вот и я о том же глаголю: обратим нашу скорбь себе на пользу. Висельный денек выдался ясный, солнечный, а значит, на казнь соберется толпа ротозеев с увесистыми кошельками у пояса, да об осторожности и позабудут, на бесплатное представление глядячи, верно?

Он шевельнул двумя скрюченными пальцами (давным-давно сломанными и криво сросшимися), показывая, как висельник делает шагок вперед и срывается с края помоста. Пальцы, изображая падение, нелепо задержались. Старшие дети захихикали, где-то в толпе послышались сдавленные всхлипы, но Воровской наставник никого утешать не стал.

— Все вы, по несколько человек, отправитесь сегодня казнь смотреть, — объявил он. — И да вселит это зрелище страх в ваши крохотные сердца, бесценные мои сокровища, и да будет это вам уроком и назиданием. Запомните, вот к чему приводит неосмотрительность, нерешительность и нерасторопность. Чтобы достойно прожить отведенный вам богами срок, надо хватать с умом и бежать опрометью, ног под собой не чуя, как адовы псы за окаянным грешником. Помните ведь, чему я вас учил? «Стянул — беги куда попало». Только так и можно из петли ускользнуть. Вот и поглядите сегодня в последний раз на тех своих приятелей, которые замешкались. А прежде чем домой возвращаться, — про-

должил он, понизив голос, — каждый из вас должен свое умение показать. Во что бы то ни стало раздобудьте звонкую монету или побрякушки драгоценные. Кто с пустыми руками вернется, тот с пустым брюхом спать уляжется.

— А че, без денюжки низзя? — удрученно заныл кто-то в толпе.

Локк сразу сообразил, что это Тэм, из новеньких, — ему ответили роль заманухи, самую незначительную в воровской иерархии, но к порядкам Сумеречного холма мальчишка еще не привык. И всхлипывал, наверное, тоже он.

— Тебе, ягненок мой, можно и без денюжки, — прошелестел Воровской наставник голосом склизким, как заплесневелый бархат, протянул руку в толпу своих питомцев, раздвинул их, будто чахлые колоски, и накрыл скрюченной дланью обриту голову Тэма. — Но если ты, голубчик, работать не желаешь, то и мне без денюжки сидеть придется. Раз уж тебя сегодняшнее восхитительное занятие не привлекает, так тому и быть. Кладбищенской земли на твою долю хватит.

— А может, я на что другое сгожусь? — не унимался Тэм.

— Может, и сгодишься, дружок, — ответил Воровской наставник, опускаясь на колени и временно исчезая из виду. — Может, и сгодишься. Я б тебе столовое серебро чистить доверил, да вот незадача — серебряным сервизом пока не обзавелся. Так что, раз у меня другой работы для тебя нет, придется эту выполнять, верно? Ты паренек ладный, крепкий, вот только слезы из глаз ручьями хлещут. Голубчик мой, ты чего это расчувствовался? Из-за висельников?

— Так ведь они... они ведь вроде как приятели наши...

— Ну да, приятели, а потому...

— Тэм, ссыкун несчастный, рохля, завязывай нить! Достал уже!

Воровской наставник, стремительно обернувшись, с размаху отвесил хлесткую затрепину; дерзкий наглец, осмелившийся прервать речь благодетеля, повалился на своих собратьев, которые, глумясь, тычками и пинками поставили его на ноги. Локк не смог сдержать довольной ухмылки — на душе потеплело при виде задир, которому оплатили его же монетой.

— Веслин, а тебе нравится, когда тебя перебивают? — осведомился Воровской наставник якобы дружелюбным тоном, в котором, однако же, сквозила неприкрытая угроза.

— Никак нет, сударь.

— Что ж, весьма приятно обнаружить рядом с собой единомышленника.

— Да-да, конечно, сударь, — с запинкой пролепетал Веслин. — Прошу прощения, сударь.

Лицо Воровского наставника снова расплылось в благожелательной улыбке, за миг до этого истаявшей, как утренняя дымка под лучами солнца.

— Так вот, как я уже говорил, — снова обратился он к Тэму, — весьма прискорбно, что друзьям нашим такая печальная участь уготована. И все же в петле они повиснут не почем зря, а ради нашего же блага. Толпы зевак придут этим зрелищем любоваться, верно? То-то и оно. Неужто ж мы такую счастливую возможность упустим, а? Неужели напоследок ловкость и хитрость свою нашим неудачливым собратьям не покажем? Разве так настоящие друзья поступают?

— Нет, сударь, — проямлил Тэм.

— Вот именно, что нет. Настоящие друзья так не поступают. Вот мы свою дружбу и подтвердим. Проводим их в последний путь честь по чести, верно? Как они в предсмертных судорогах забьются, мы глаз отводить ни за что не станем.

— Да-а-а-а, — робко протянул Тэм. — Как скажете, сударь.

— Вот так и скажу. — Воровской наставник рассеянно похлопал Тэма по плечу. — Ну, ступай. Мастера висельных дел — единственные пунктуальные люди в этом проклятом городе, вешать начинают ровно в полдень. Тем из вас, кто к началу казни запоздает, в десять раз труднее придется, это я вам обещаю. Эй, пестуны! Зовите своих заманух и хватунов, да за новичками присматривайте, воли им не давайте.

Пестуны — дети постарше — стали выкликать имена своих подопечных, и сироты послушно потянулись к ним, а Воровской наставник тем временем отволок Веслина в укромный уголок склепа для задушевной беседы с глазу на глаз.

Локк криво усмехнулся и начал прикидывать, к кому из пестунов он сегодня попадет. Сгорая от нетерпения, он жаждал поскорее выбраться в город: за пределами Сумеречного холма открывался простор для невероятных приключений — там можно было опустошать чужие карманы, облапошивать простофиль и мошенничать направо и налево. Хоть он и понимал, что неумемная тяга к воровству делала его изгоем в глазах окружающих, сдерживать свои

порывы было для него так же невозможно, как отрастить крылья за спиной.

И все же убогое существование на Сумеречном холме, полное издевок и унижений, немедленно забывалось, едва лишь он с бешено колотящимся сердцем приступал к любимому делу, а потом во весь дух улепетывал, сжимая в кулаке награбленное. За свои то ли пять, то ли шесть, то ли семь лет он твердо уяснил, что на свете нет занятия лучше, чем воровство, и что именно оно и дарует настоящую свободу.

4

— Ты себя тоже наставником и благодетелем возомнил, щенок? Думаешь, у тебя лучше получится?

Переломанные пальцы лишили Воровского наставника цепкости, но руки его оставались по-прежнему крепки, и Веслина он вжал в стену с не меньшей силой, чем плотник, готовый всадить первый гвоздь в новый карниз.

— Или, по-твоему, моим речам не хватает остроумия и мудрости?

— Нет, что вы, ваша милость! Простите! Простите!

— Веслин, сокровище мое, так я ж тебя завсегда прощал... — Воровской наставник небрежным жестом откинул полу ветхого сюртука, прикрывавшую рукоять тяжелого мясницкого секача на поясе; лезвие тускло блеснуло в темноте. — Вот и сейчас прощаю. И кое о чем напоминаю. А ты запоминай, хорошенько запоминай. Ну как, все запомнил?

— Ох, сударь, все досконально запомнил. Прошу вас...

— Великолепно. — Воровской наставник, выпустив Веслина, аккуратно поправил полу сюртука. — И радуйся, что эта история окончилась счастливо для нас обоих.

— Премного благодарен, сударь. Еще раз прошу прощения. Понимаете, рохля Тэм все утро ноет и ноет, как проклятый, сил нет терпеть. Он никогда не видел, как людей вешают.

— Все мы когда-то смерть в первый раз видели, — со вздохом сказал Воровской наставник. — Пусть себе ноет, лишь бы кошельки таскал. А вернется с пустыми руками — беда невелика, голод — прекрасный учитель. Как бы там ни было, я его вместе с парочкой трудных сегодня отправлю, под особым присмотром.

— С парочкой трудных?
 — Рохле Тэму с Беззубом будет в самый раз...
 — О боги, — выдохнул Веслин.
 — Да-да, с тем самым Беззубом, у которого в голове одно дерьмо, а ума не хватит в горсть посрать, даже если ему ладони к жопе пришьют. Так вот, Беззуб, Тэм и еще один великий умник.

Воровской наставник многозначительно покосился в дальний угол, где насупленный мальчуган, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, смотрел, как остальные сироты разбредаются к своим пестунам.

— Ламора... — прошептал Веслин.

— Говорю ж, под особым присмотром. — Воровской наставник нервно погрыз ноготь на левой руке. — У него талант деньги добывать. Жаль только, что за ним глаз да глаз нужен. Ну, может, со временем образумится.

— Он же чуть полгорода не спалил, сударь!

— Не полгорода, а только Скопище, невелика потеря. Впрочем, наказание за это он стерпел смиренно, без нытья и жалоб. Так что обсуждать здесь больше нечего. Ему нужен хороший пестун, чтоб в узде держал и разгуляться не давал.

Веслин с отвращением поморщился.

— Да не криви рожу-то, я не про тебя речь веду. Вы с Грегором мне для иного надобны. Ежели кто из наших вдруг в переделку попадет, вы внимание на себя отвличете и нерасторопных неумех прикроете. А если кого заграбастают, немедленно мне доложите.

— Благодарствую, сударь. Вот прямо всей душой.

— А как же иначе. Так, значит, рохля Тэм, недотепа Беззуб и мелкий демон в рваных портках, прямиком из самой глубокой преисподней. Чтобы с этими жежееумками справиться, светлая голова нужна, твоей не чета. Сгоняй-ка к домушникам, разбуди кого-нибудь.

— Ой... — Веслин закусил губу. — Так ведь им это не по нраву придется.

Среди обитателей Сумеречного холма домушники занимали особое положение: поднаторевшие в воровском ремесле, они промышляли только после заката — забирались в дома почтенных горожан и крали все подряд. Работой по хозяйству они себя не утруждали, а спать им позволялось целый день.

— А мне-то что за дело? Они сегодня все равно прохлаждаются. Позови кого-нибудь посообразительнее. — Воровской настав-

ник выплюнул отгрызенный полумесяц грязного ногтя, вытер об-
слюнявленные пальцы о сюртук. — Вот что, приведи-ка мне Са-
бету.

5

— Ламора!

Наконец-то его окликнули, и не кто-нибудь, а сам Воровской наставник. Локк опасно пересек утопанный земляной пол склепа и подошел к старому вору, который шепотом давал указания одному из своих питомцев.

Перед креслом Воровского наставника переминались еще двое: нытик Тэм и Беззуб — туповатый растяпа, оставшийся без зубов из-за постоянных побоев. От дурного предчувствия у Локка за-
холонуло в груди.

— Вот и славно, все в сборе, наиглавнейшие смельчаки, плу-
тишки и хитрецы. Мне как раз такие сегодня нужны. Пойдете на
особое дело, под особым присмотром. Прошу любить и жаловать,
ваш пестун, — сказал Воровской наставник, указывая на сироту
у кресла.

Тусклое серебристое сияние алхимического фонаря осветило
чумазое утомленное лицо под кожаным картузом, нахлобученным
на туго повязанную косынку, из-под которой не выбивалось ни
одной пряди волос, мешковатую, некогда белую рубаху и потре-
паннные бурые штаны.

Пестун оказался девчонкой, при виде которой в Локке впер-
вые в жизни шевельнулся какой-то смутный, доселе неведомый
ему животный инстинкт. На Сумеречном холме девчонок хва-
тало, но Локк никогда не принимал их в расчет и даже не заду-
мывался об их существовании. А сейчас он шумно втянул в себя
воздух и ощутил нервную дрожь и покалывание в кончиках паль-
цев.

Девчонка была на год старше и на голову выше Локка и, даже
усталая, держала себя с тем непосредственным, словно бы врож-
денным превосходством, которое обычно заставляет любого маль-
чишку чувствовать себя крошечной букашкой под пятой вели-
кана. Впрочем, у Локка не было ни жизненного опыта, ни слов,
чтобы описать ситуацию в этих выражениях. Он осознавал лишь

одно: при виде этой девчонки он как будто соприкоснулся с некой великой, непостижимой тайной.

Ему хотелось приплясывать от восторга. Его трясло от неимоверного ужаса.

Внезапно его возмутило присутствие Тэма и Беззуба, а смысл, скрытый в слове «пестун», ранил до глубины души. Локку захотелось вытворить что-нибудь эдакое, невероятное, чтобы девчонка прониклась искренним восхищением. Вдобавок щеки горели от стыда — мало того что на лбу шишка, так еще и в спутники дали двух сопливых межеумков!

— Это Бет, — сказал Воровской наставник. — Сегодня ей поручено за вами приглядывать. И все ее приказания должны исполняться неукоснительно, как и мои. О ловкости рук не забывайте, но и ртов не разевайте, хватайте все, что плохо лежит. Да, и ведите себя осмотрительно. Чтобы никаких там *честолобивых выходов*, ясно вам? — Последнюю фразу он произнес ледяным тоном, пристально глядя на Локка.

— Благодарствую, сударь, — ответила Бет голосом, в котором не сквозило даже намек на благодарность, и подтолкнула Тэма с Беззубом к одному из выходов из склепа. — Подождите нас снаружи, пока мы с вашим дружком парой слов перекинемся.

Локк вздрогнул от неожиданности. Она хочет парой слов перекинуться? С ним? Неужели она догадалась, что он знает толк в уличном ремесле, умеет облапошить простаков-обывателей? Что он совсем не такой, как эта парочка недотеп? Бет огляделась, положила руки Локку на плечи и присела перед ним на корточки. Как только он встретился с ней взглядом, в животе отчаянно затрепыхалась какая-то неведомая зверушка, а из головы тотчас вылетели все накрепко затверженные правила о том, что в глаза смотреть никому нельзя.

А потом...

Потом Локк влюбился, — впрочем, он лишь много позже узнал и о том, как именно называется это чувство, и о том, как сильно оно усложнит ему жизнь.

А она впервые обратилась к нему напрямую. Слова эти неизгладимо запечатлелись в его сердце с такой необычайной ясностью, что ранили даже после того, как многие события детских лет стерлись из памяти.

— Ты — тот самый Ламора?

Он радостно закивал.

— Ну, тогда запоминай, засранец. Я о твоих подвигах наслышана. Значит, так, рот держи на замке, а шаловливые ручонки — в карманах. В своих, а не в чужих, понял? Иначе, клянусь всеми богами, я тебя собственноручно с моста столкну, а все подумают, будто ты сам свалился.

6

Неожиданно он почувствовал себя в полпальца величиной. Ощущение было не из приятных.

Локк ошарашенно плелся за Бет, Тэмом и Беззубом по темным туннелям Сумеречного холма. Наконец дети вышли наружу. От солнечных лучей — впрочем, не только от них — в глазах защепаало. Локка охватило смятение: он совершенно не понимал, какой из его проступков — и откуда она о нем узнала? — вызвал такую неприязнь у той самой особы, чьего восхищения ему хотелось заслужить больше всего на свете.

Впрочем, даже унылые мысли, теснившиеся в голове, не могли отвлечь Локка от того, что творилось вокруг, — давал о себе знать инстинкт выживания. Здесь, в непостоянном, изменчивом мире за пределами Сумеречного холма, все чувства пребывали в напряжении. Шум и суeta большого города постепенно оттеснили размышления о Бет в дальние уголки сознания.

Каморрцы наслаждались первым теплым, солнечным днем после затяжных весенних дождей. В домах распахнули окна. Зажиточные горожане сменили непромокаемые плащи и накидки на летние наряды. Бедняки щеголяли вонючими отрепьями, не снимаемыми в любое время года, — им, как и обитателям Сумеречного холма, всю свою одежду приходилось носить на себе, иначе она становилась законной добычей старьевщиков.

Четверо сироток перебрались через канал по мосту, соединяющему Сумеречный холм со Скопищем (Локк глядел на трущобы со смешанным чувством гордости и недоумения — неужели его мелкая проказа действительно могла привести к полному уничтожению целого городского квартала, как уверял Воровской наставник?). По каналу неторопливо скользили три лодки, с которых труполовы, ловко орудуя длинными жердями с крюками на конце, выволакивали из-под причалов раздутые, обезображенные

до неузнаваемости тела — в ненастную погоду мертвецы никому не мешали.

Бет повела своих подопечных через Скопище, по каменным ступеням и по шатким деревянным мосткам, держась подальше от темных извилистых закоулков, где находили пристанище пьяницы, бродячие псы, а то и кто пострашнее. Тэм и Локк от нее не отставали, а вот Беззуб еле плелся в хвосте и все время норовиллизнуть. Когда все четверо наконец оказались в заброшенном парковом лабиринте острова Мара-Каморрацца, Бет пришлось тащить Беззуба за шиворот.

— У тебя что, вместо головы чирей? — прошипела она. — Не отставай, кому говорят! Забыл, что было велено? Не дури!

— Дык не дую же ж, — буркнул Беззуб.

— Попробуй только! Живо с пустым брюхом спать отправишься. Или пусть лучше Веслин тебе оставшиеся зубы выбьет?

— Не-а-а. — Беззуб помотал головой, зевнул, изумленно огляделся, словно бы впервые осознав, где находится, а потом вырвался из цепкой хватки Бет и заорал, размахивая руками: — Дай картуз! Да-ай ка-арту-у-з! Картуз хочу-у!

Локк нервно сглотнул: Беззуб часто впадал в истерику, словно в голове у него что-то переклинивало. Среди обитателей Сумеречного холма любая странность привлекала к себе нежелательное внимание старших детей, а поскольку Беззуб ни умом, ни силой не отличался, то побои, синяки и шишки доставались ему с завидной регулярностью.

— Обойдешься! — сказала Бет. — Веди себя прилично.

— Дай картуз! — не унимался Беззуб, топая ногами и сжимая кулаки. — Дашь картуз — буду послушный!

— Фиг тебе, а не картуз. А послушным будешь, потому что я так велю, понял?

Беззуб с неожиданным проворством подскочил к Бет и сдернул с нее картуз. От резкого движения косынка слетела с головы, и по плечам девочки рассыпалась копна золотисто-каштановых кудрей. Локк изумленно разинул рот, будто замороженный блеском локонов в лучах солнца. Вскоре он сообразил, что чары распространились только на него и что ротозейничать сейчас не с руки, однако же успел заметить, что волосы Бет были двуцветными — каштановыми у концов и ярко-рыжими на макушке: похоже, она их когда-то перекрасила, а теперь они отросли.

Быстротой движений Бет намного превосходила Беззуба — он не успел опомниться, как схлопотал по физиономии злосчастным картузом, который неведомым образом вернулся к хозяйке.

— Ай! Ой! — завизжал Беззуб.

Разжалобить Бет ему не удалось. Она снова хлестнула его картузом, да так больно, что мальчишка взвыл и отшатнулся. Локк, спохватившись, всем своим видом изобразил полнейшее равнодушие к происходящему, свойственное всем обитателям Сумеречного холма в тех случаях, когда поблизости кому-то задавали взбучку.

— Ай, не бей меня! Пощади! — зарыдал Беззуб.

— Еще раз на картуз позаришься, осел безмозглый, — злое щим шепотом произнесла Бет, встряхивая Беззуба за шиворот, — клянусь Азой Гийей, исчислительницей смертей, что я тебя прямо к ней в объятия и отправлю.

— Я больше не бу-у-ду! — заныл он.

Презрительно выпустив его ворот, она ловким движением скрыла рыжие кудри под косынкой и нахлобучила картуз. Локк подавил разочарованный вздох.

— Слава богам, что никто не заметил! — Бет подтолкнула Беззуба вперед. — Повезло тебе, гаденыш. Ох и повезло. Ну, пошли быстрее. А вы двое, не отставайте.

Локк с Тэмом безмолвно последовали за ней, будто два испуганных утенка за мамой-уткой.

Локк дрожал от возбуждения. Поначалу он больше всего боялся, что спутники-недотепы нанесут его репутации непоправимый урон, но теперь решил, что их глупость поможет ему произвести на Бет должное впечатление. Да-да, пусть себе ноют, истерики устраивают, домой с пустыми руками возвращаются... может, стражники за ними в погоню бросятся, в свистки засвистят, собак спустят. Нет, Бет такого позора не стерпит, поймет, что рядом есть кто получше. Вот он, например...

7

Выйдя из буйных зарослей Мара-Каморрацца, четверо сирот попали в суматошную толчею.

Висельный денек и впрямь выдался погожим, а потому обычно чинный Старокрепостной остров, вотчина герцогов Каморрских,